

Теоретические и политические сражения Арриго Черветто

IV

Публикуем отрывок из предисловия к вышедшему из печати изданию избранных работ Арриго Черветто.

Пражский кризис показал, что ялтинское равновесие в экономическом плане больше не имело оснований. Как и предполагали размышления начала 50-х годов и прочитанные в Аргентине тексты, десятилетия послевоенного развития вновь превратили Германию в экономическую державу, а СССР был вынужден занять кровавую оборонительную позицию.

Тактика в кризисе школы, сражение в борьбе наёмных рабочих за перспективы тред-юнионизма и кризис нарушения равновесия

Это же бурное развитие было одной из причин французского кризиса, кульминацией которого стали майские студенческие демонстрации в Париже. В Италии десятилетия *экономического чуда* стали основой *кризиса нарушения равновесия*: государство, партии, идеологии не поспевали за экономическими изменениями, за выросшим весом крупного капитала, за потребностью крупной буржуазии в *индустриальном государстве*, которое сопровождало бы вхождение Италии на европейский рынок. Частью этого нарушения равновесия была и система образования; в накалённой атмосфере после *французского мая* волны студенческих волнений стали его отражением. «Ленинская тактика в кризисе школы» была вмешательством в это движение, которое открывало новую возможность для укоренения партии, учитывая, что опыт *десяти потерянных лет* в *Azione Comunista* защищал от любых соблазнов мувементизма¹.

«Моя идея была проста, хотя и вытекала из более глубокой и тщательной диагностики сложной международной политики; идея была настолько проста, что некоторые молодые люди смогли её понять и успешно применить: студенческое движение будет полностью поглощено оппортунизмом. Часть его можно спасти, чтобы сформировать кадры, необходимые для организации наиболее сознательных рабочих, которые после сорока лет контрреволюции не в состоянии сделать это самостоятельно. Некоторые из наших пролетарских активистов, застывшие в примитивной пропаганде, не поняли эту простую идею. Те, кто её понял, развивали партию вместе с новыми силами».

Тезисы о тактике в кризисе школы также основывались на международном анализе цикла капиталистического развития; к этому добавлялось исследование – опиравшееся на послевоенный опыт и исторические знания – того, как ускоренные перемены воздействовали на общественную психологию.

«В 50-е и 60-е годы капитализм переживал бурный подъём, распространившийся по всему миру. В наших тезисах 1957 года именно это расширение капитализма рассматривалось как характерная черта продолжительности контрреволюционной фазы. Темпы роста были в два раза выше, чем в среднем за столетие. Это было новшеством, которое должно было породить новые явления в сфере надстройки. В течение многих лет я думал, что следствием этой тенденции будет рост пролетаризации. Так и произошло, но он сопровождался непредвиденным явлением. Точнее сказать, непредвиденным для Италии, поскольку, изучая Соединённые Штаты и японскую Zengakuren², я установил, что для более зрелых метрополий это был уже очевидный факт.

Италия в мировом контексте была одним из самых динамичных рынков. За одно поколение она проделала путь, на который раньше уходило два. Это означает, что в течение своей активной жизни человек подвергался исключительным социальным потрясениям, масштабы которых он не мог осознать и к которым у него даже не было времени психологически адаптироваться. Исключительно быстрый рост производительных сил и доходов привёл к массовому распространению школьного образования. Все недостатки отцов перешли к детям, только в ускоренном виде. Другими словами: все глупости, на которые у отцов ушло двадцать лет, дети совершили за один. Это подтолкнуло отцов за тот же год израсходовать остаток собственных глупостей, продемонстрировав тем самым свою неспособность понять глупости своих детей. В результате за год отцы и дети выразили всю глупость, которую они накопили. Это было сосредоточение всех национальных пороков,

ярмарка всей итальянской политической патологии в её различных исторических слоях и во всех вариантах.

Я наблюдал за этим зрелищем сначала с недоверием. Оно казалось мне необъяснимой галлюцинацией. Что-то, напоминавшее 8 сентября: но тогда это была мировая буря, которая обрушила итальянские стропила. Возможно ли, что в период “тучных коров”, когда мировая ситуация была успокоена разрядкой в международных отношениях, отцы и сыновья волнуются из-за пустяков? Возможно ли, что всеобщий характер приобретали вызовы и контрвызовы Генуи 1960 года?

Это оказалось возможным. Постепенно я осознал эту истину и понял многое, что при чтении не мог объяснить себе: почему Кавур играл с Гарибальди как с марионеткой, почему Италия не выиграла ни одного сражения, почему актёр Муссолини мог рассказывать такие чудовищные небылицы, почему Италия была католической и почему она также отчасти была сталинской. Она могла быть и тем, и противоположным – потому что противоречие существовало в логике, но не в реальности.

Внимательно наблюдая за этой реальностью, которая проносилась у меня перед глазами, я углубился в проблему соответствия между движением экономики и движением политической и культурной надстройки. Явное несоответствие, которое существовало в Италии, вызывало кризис. Я назвал его “кризисом нарушения равновесия”. Я мог бы назвать его и “кризисом несоответствия”.

Я перечитал переписку Маркса и Энгельса и вновь обратил внимание на многое, что упустил при первом прочтении несколько лет назад. За пару зимних месяцев я понял, какое удовлетворение, должно быть, испытывал Ленин, когда “консультировался” с Марксом и Энгельсом. То, что при поверхностном чтении может показаться пережитками предрассудков той эпохи и как таковое отбрасывается с добродушной и идиотской самонадеянностью, на самом деле является глубокими реалистичными суждениями, которые только зрелость и политическая практика позволяют оценить по достоинству.

Часто, оценивая ситуацию или даже отдельный факт, мы боимся невольно воспроизвести один или несколько предрассудков – что, впрочем, неизбежно. Но чрезмерный страх приводит к искажению: в попытке избежать предрассудков мы рационализируем несуществующую реальность. Много раз я считал некоторые свои впечатления, основанные на практическом смысле, малозначительными, потому что боялся, что они были подвержены влиянию предрассудков. Я обещал себе изучать их более глубоко, прежде чем считать их обоснованными.

Перечитав “Переписку”, я понял, что ошибался. Там, где я сомневался, не являются ли мои суждения предрассудками, на деле ими не были. Маркс и Энгельс подробно останавливаются на “национальных характерах”, приводя массу подробностей: наблюдения, актуальные и сегодня. Именно их глубокое знание экономической, политической и культурной истории больших и малых стран позволяет им дать столь научное описание “национальных характеров”. Без этих знаний легко воспроизводить идеологические стереотипы о тех или иных народах, даже когда нам кажется, что мы от них свободны. Настоящая проблема заключается в том, чтобы научно проанализировать “национальные характеры”, а не в том, чтобы утверждать, что их не существует. То, что психология не определяет социальную жизнь, не означает, что психология является несущественным аспектом анализа социальной жизни. То же самое можно сказать о “моральном факторе” в военном вопросе, который является, как его называет Плеханов, не чем иным, как “социальной психологией”, особой общественной деятельностью военного характера. Размышления над суждениями Маркса и Энгельса, помимо подтверждения того, о чём я до этого думал смутно и случайно, позволили мне более точно и детально взвесить ситуации, которые прежде я оценивал на основе обобщений, неизбежно ведущих к ограниченным абсолютизациям. Скорее всего, я бы всё равно пришёл к таким выводам, но – без знаний, полученных из работ классиков, и, прежде всего, без осознания необходимости основывать оценку, например, “национальных характеров” на правильной теоретической базе. Я бы остался на уровне простого эмпиризма.

Таким образом, я был в состоянии понять практические проявления массовых движений, которые в те годы – и в последующие – выходили на первый план, с которыми я мог теперь вступать в тесный контакт. Для меня повторилась ситуация, подобная той, что

сложилась во время антифашистской борьбы и в первые послевоенные годы, до того, как политический выбор заставил меня уйти в ограниченный мир меньшинств. Только теперь моя роль изменилась, и я оказался в положении, когда мне приходилось руководить тысячами людей и влиять на них. Иметь более широкие и в то же время более точные представления, чтобы оценить “национальный характер” этих движений и этих людей, становилось полезным и, в конечном счёте, необходимым.

Мне удалось быстро наметить эти “черты” и дать им оценку, которая со временем оказалась в целом верной. Конечно, эти мои суждения, полученные в результате анализа бесконечного множества аспектов и накопленного опыта, я – исходя из политической необходимости – сформулировал в виде некоторых абсолютизаций. Они должны были стать ключевыми идеями, если мы хотели отобрать людей, способных действовать в направлении, отличном от максималистской стихийности движений, порождённых противоречиями империалистически зрелого итальянского общества.

Время показало, что я был прав. Новое политическое поколение унаследовало “национальные черты” в худшем их проявлении. Иначе и быть не могло. Нет причин, по которым могло быть иначе. Только огромные потрясения, которые неизбежно ставят новое политическое поколение перед драматическими выборами – выборами, которые суть персональные выборы жизни, за которые приходится дорого платить, – могут привести к разрыву с прежним курсом. В этом случае новое политическое поколение может произвести политический и теоретический поворот, сформировать иные кадры, в которых на первый план выйдут одни черты и будут подавлены другие.

Не было потрясений такого масштаба, и, следовательно, не могло быть исторического разрыва. Перефразируя Маркса, можно сказать, что трагедия мировой войны, породившая одно политическое поколение, повторилась как фарс в социальных последствиях, породивших следующее поколение. Фарс достиг крайних пределов: антиамериканизм при максимальной американизации, антипотребительство при максимальном потреблении, интеллектуализация при максимальном невежестве, антикапитализм при максимальном паразитизме и т. д.

Старое политическое поколение беззащитно отразилось в молодом. Мне довелось увидеть рождение и трагедии, и фарса. От трагедии я страдал, прежде чем вскоре её преодолел, а над фарсом мне оставалось только смеяться. Мне не нужно было много времени, чтобы это понять. Достаточно было одного взгляда. Я всегда надеялся на новое поколение, которое принесёт с собой теоретическое и политическое брожение, необходимое для возрождения марксизма. Только повысив теоретический и политический уровень противостояния, воинствующий марксизм может быстро подняться, испытать себя, усовершенствоваться». 1969 год стал годом “горячей осени”. Его отправной точкой также было ускоренное развитие экономического чуда и его последствия для межклассовых отношений. За четверть века это развитие сформировало обширный пролетариат и частично сосредоточило его в промышленном треугольнике; теперь наступил переломный момент: профсоюзы, подчинённые парламентским партиям и их межклассовому подходу, с трудом выражали порыв молодого рабочего класса к борьбе за повышение заработной платы. Существовала вероятность, что из кампании по обновлению трудовых контрактов и из волны стихийных забастовок, начавшихся на крупных фабриках Севера, могла возникнуть единая профсоюзная организация, больше не подчинённая межклассовой логике парламентаризма, – нечто напоминающее тред-юнионы или крупные немецкие профсоюзы, органично связанные с социал-демократическим реформизмом. Это переплеталось с кризисом нарушения равновесия и политическими потребностями ключевых групп итальянского империализма; реформистская линия крупного капитала могла бы найти свою массовую базу в тред-юнионистском профсоюзе и в широкой рабочей аристократии.

Как и в случае с кризисом школы, «перспективы профсоюзного движения» стали поводом для ленинской тактики; импульс к борьбе за повышение заработной платы и меньшее влияние парламентаризма могли бы облегчить укоренение на крупных фабриках. Тред-юнионистский сезон закончился слишком быстро, но всё же позволил привлечь несколько отрядов молодых рабочих, которые присоединились к сотням студентов, завоёванных в университетах; из этих двух битв – в школах и на фабриках – вышло второе поколение Lotta

Comunista. И здесь анализ капиталистического развития с его социальными и политическими последствиями стал предпосылкой для борьбы.

«В течение многих лет я считал, что преобладающей линией в метрополии была реформистская, даже если она с трудом находила завершённое политическое выражение и сталкивалась с препятствиями. В своих статьях я уже давно отмечал влияние международного фактора, который делал преобладание этой линии необходимым.

В серии статей, опубликованных в конце 1968 года, я реконструировал процесс империалистического экспорта капитала в развивающиеся страны и подчеркнул роль итальянского империализма с его наиболее динамичными группами. Однако оставался вопрос – почему преобладающая тенденция итальянского капитализма не смогла создать адекватную надстройку. Этот вопрос занимал меня в течение многих лет и продолжает занимать до сих пор. Проведя обширное исследование военного вопроса, его теоретиков и его истории, я увидел, какое значение имеет то, что в этой конкретной области называется “моральным фактором”, и как именно в отношении этого фактора анализ общей проблемы становится особенно недостаточным или, во всяком случае, лишённым общепринятых выводов. Если по некоторым аспектам военного вопроса различные школы относительно легко приходят к согласию, то по “моральному фактору” это почти невозможно. Когда оцениваются вооружение, стратегии, сражения – диапазон интерпретаций сужается; но когда дело доходит до оценки людей, он, напротив, расширяется безмерно. Иначе и быть не может, потому что тут вступают в силу различные симпатии, опыт, исторические знания, мировоззрение и жизненные взгляды, представления о человеке. Наука неизбежно покидает надёжный путь проверяемости, чтобы углубиться в чащу субъективности. При равном оружии и объективной силе две армии имеют разные командования и войска. Именно это различие в “моральном факторе” в конечном итоге определяет соотношение сил и исход их противостояния. История этих армий, этого командования, этих войск приобретает в таком противостоянии колоссальное значение.

Так обстоит дело в политике, которая затем проецируется – другими средствами – на военную сферу. В начале 1969 года в редакционной статье о “фашизме и демократии”, где я вновь утверждал, что это две формы буржуазной диктатуры, я рассматривал двадцать ведущих итальянских компаний из рейтинга Mediobanca с общим товарооборотом 6 трлн лир. Четыре из них (FIAT, Pirelli, IRI, ENI с общим оборотом 3,4 трлн) открыто выражали реформистско-демократическую линию, которая была преобладающей в итальянском капитализме. В мае-июне, в статье “Интернационализация рабочей борьбы”, накануне “горячей осени”, я утверждал, что средняя производительность итальянской системы была низкой по сравнению с конкурирующими метрополиями, и что классовая борьба в Италии была связана с процессом интеграции итальянской экономики в мировой рынок и с растущей “интернационализацией капитала”. В июле-августе в редакционной статье “Генеральная линия итальянского капитализма” я отверг тезис о том, будто кризис итальянского государства был революционным. Я цитировал оценки, исходившие из кругов FIAT и ENI, согласно которым существовал “политический разрыв” – наряду с технологическим, – поскольку партии больше не выражали реальное общество. Промышленный капитал был заинтересован в том, чтобы пред-юнионистские профсоюзы заполнили политический разрыв и представляли реальное общество. Таким образом, не было революционного кризиса государства, а была необходимость системы вооружиться империалистическим государством, способным выдержать конкуренцию на мировом рынке, адаптироваться к интернационализации капитала и способствовать необходимому повышению общей производительности. Отношения между экономическим базисом и политической надстройкой в Италии имели “характеристики нарушения равновесия”. Это нарушение равновесия и было настоящим кризисом Италии.

В течение четырёх месяцев газета не выходила. В феврале-марте 1970 года заголовок редакционной статьи уже звучал так: “Кризис нарушения равновесия итальянского капитализма”. Кризис не является революционным, а представляет собой “кризис нарушения равновесия”, то есть “кризис дисфункции” или “кризис функционирования”. Недостаточно просто утверждать, что экономика детерминирует политику. Необходимо проанализировать, как и посредством какого процесса пред-юнионистские формы борьбы за

контракты могут стать в конкретных итальянских условиях специфическим способом адаптации движения надстройки к движению базиса».

Кризис реструктуризации

Волна борьбы за повышение заработной платы оказалась слишком слабой и поверхностной; реформистская линия была вынуждена приспособиться к более отсталому пути, опирающемуся на соглашение между крупными частными компаниями и группами государственного капитализма, чья массовая база находилась в мелкой буржуазии и новых слоях бюрократического аппарата. В результате возник налоговый компромисс “в долг”, который на долгие годы усугубил слабости Италии.

В 1973 году нефтяной шок вызвал на мировом уровне кризис реструктуризации: не общий кризис, как в 1930-е годы, потому что развитие новых регионов, особенно в Азии, давало старым державам возможность разрешить противоречия, накопившиеся к концу ускоренного цикла послевоенного развития. Вновь подтвердилась стратегическая концепция “Тезисов” 1957 года об империалистическом развитии.

«В 1970 году раунд переговоров был завершён. Движение продолжалось ещё пару лет, но к 1972 году его можно было считать законченным. На конференции, состоявшейся на Морской ярмарке в 1972 году, я уже мог сказать, что, пожалуй, начался отлив. В перерыве, прогуливаясь с Лоренцо Пароди по причалу, омываемому спокойным морем и согретому тёплым сентябрьским солнцем, мы должны были признать, что тред-юнионистская линия так и не проявилась. Мы знали людей, которые должны были её выразить, и оставались скептически настроены по отношению к ним. Новые люди не появились. Чисто академически мы предположили, что, возможно, Ди Витторио³ мог бы воспользоваться этой ситуацией. При таком положении дел межклассовые партии, в первую очередь ИКП, неизбежно вновь взяли бы верх и воспользовались бы результатами трёх лет стихийной борьбы. Но это также означало, что кризис нарушения равновесия не будет преодолён, а усугубится, поскольку парламентские партии были причиной несоответствия политики изменениям и потребностям итальянской капиталистической экономики.

Что касается меня, то всё это означало, что теоретически поставленный вопрос ещё предстояло решить на практике с помощью детального анализа итальянской реальности. Меня ждала огромная и мало вдохновляющая работа; даже если она была неблагодарной, её нужно было выполнить».

«В конце 1973 года, с началом войны Судного дня, произошёл резкий рост цен на сырьё и нефть. Около 1 % мирового производства перешло в пользу ренты, что вызвало кризис платёжного баланса. Бордига предсказывал общий кризис капитализма на 1975 год. Это могло стать самым громким подтверждением марксистской науки.

Это могло стать триумфом марксистской школы. Я, однако, не мог даже питать таких надежд: слишком долго я анализировал мировой ход империализма, чтобы верить в возможность подобного исхода, и не мог надеяться, что истёк двадцатилетний срок, о котором говорилось в наших тезисах 1957 года.

Я проанализировал кризис, развернувшийся в основных мегаполисах, и в 1975 году пришёл к выводу, что речь шла о “кризисе реструктуризации”. Реструктурируясь, империализм ещё на долгие годы сохранял возможность использовать расширение капитализма в мире».

Генуэзское, миланское и туринское сражения

Сражения в Генуе, Милане и Турине – два первых на рубеже конца 1960-х и первой половины 1970-х годов, а третье в начале 1980-х – в значительной степени можно считать политическими сражениями кризиса реструктуризации.

Начало генуэзского сражения восходит к октябрю 1966 года, когда в одной из первых схваток европейской реструктуризации государственное судостроение было сконцентрировано на Italcantieri, а машиностроение – на Ansaldo Meccanico Nucleare. Комментируя забастовки той осени, Черветто написал статью “Генуя – передовой пункт революционной стратегии”. В столице государственного капитализма и оплоте тесно связанной с ним Итальянской компартии (ИКП) предстояло проверить возможность выполнения беспрецедентной задачи – создания партии по большевистскому образцу в метрополии зрелого империализма.

Укоренившись в Генуе, в центре максимальной силы капитала и оппортунизма, ленинисты могли бы сделать это повсюду в Италии.

Сентябрь 2025 г.

¹ - Политическая тенденция, в первую очередь связанная с внепарламентской левой, преобладающей тактикой которой является проведение уличных демонстраций.

² - Федерация студенческого самоуправления Японии – студенческий профсоюз, основанный в 1948 году. Первоначально организация была связана с Коммунистической партией Японии, но в 1960 году стала независимой. Zengakuren был участником многочисленных протестов: от оппозиции войне в Корее до вопроса об базах США в Японии и крупных демонстрациях протеста 1968 года.

³ - Джузеппе Ди Витторио (1892–1957) – итальянский общественный и политический деятель левого толка, руководитель Всеобщей итальянской конфедерации труда и влиятельный деятель рабочего движения после первой мировой войны. Одна из ведущих фигур Всемирной федерации профсоюзов.